

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 49. Is. 3. pp. 1270-1277. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.3.1270
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Russian Intelligentsia's Search for New Forms of Creative Expression during the Inter-Revolutionary Period (1905-1917)

Tatiana V. Gryaznukhina ^a, Alexander G. Gryaznukhin ^{a, *}, Denis N. Gergilev ^a, Larisa F. Malyutina ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

This work focuses on the activities of the Russian and Siberian artistic intelligentsia in the inter-revolutionary era (1905-1917). It particularly highlights the influence of socio-economic and political aspects on the nature of the intelligentsia's creative work. Its ignorance of day-to-day realities, its complete detachment from life resulted in Russia's artistic elite living in a self-created world. Misunderstanding of the people led to its idealization, the belief that after passing through the cleansing furnace of the revolution, it will come out spiritually renewed, capable of perceiving beauty. The defeat of the revolution and the realization that even in the case of its victory, the spiritual rebirth of society could hardly have come overnight, plunged the intelligentsia into a state of despondency, lethargy and pessimism. This state found its expression in decadence as a special kind of mindset. An analysis of the reasons underlying the changes that occurred at that time shows that these changes were predetermined by a failure to understand the essence of events, inability to explain them and adapt to them. The socio-political and socio-economic events in central Russia could not but affect the Siberian artistic intelligentsia's creative life. Here, however, the search for new forms and means of artistic expression was not so profound. Their fascination with modernism was more often than not transient or accidental. Both artists and spectators preferred to adhere to realistic traditions in art. A sober, realistic view of life helped the Siberian intelligentsia to relatively quickly overcome the moods of decadence and pessimism in their creative work. This article analyses some examples of how decadence influenced the work of the most prominent figures of the Russian art.

Keywords: intelligentsia, creativity, revolution, decadence, symbolism, acmeism, futurism, culture, Siberia.

1. Введение

Начало нового века принесло России глубокий социокультурный разлом и общественные потрясения. При разгроме революционных сил в 1905–1907 гг. царская администрация в целях самосохранения применяла жесткие меры, в том числе и террор. «Правительство как будто победило. Однако в глубине народных масс, в особенности крестьянских, бродили все-таки опасные пары придушенного недовольства», – писал об этом времени в своих воспоминаниях Ф. Шаляпин (Шаляпин, 1991: 148).

Трансформации в общественно-политической сфере явились катализатором изменений в художественной жизни страны. Осознание бесперспективности насилия как формы борьбы за лучший мир обусловило разнообразное реагирование интеллигенции на поражение революции. Немногие из ее представителей смотрели в будущее с оптимизмом, большинство было повергнуто в уныние и отчаяние, занялось богоискательством и мистикой. Такое мировосприятие нашло свое отражение в декадентстве как особой форме умонастроения российского общества. Разочарование,

* Corresponding author

E-mail addresses: agagag@mail.ru (A.G. Gryaznukhin), tag-kras@mail.ru (T.V. Gryaznukhina), turilak@yandex (D.N. Gergilev), malyutina_48@mail.ru (L.F. Malyutina)

постигшее интеллигенцию, осознание ею своего бессилия явились следствием реакции, последовавшей после поражения революции. В этой связи декаданс можно рассматривать как явление социально-психологическое, господствовавшее в среде русской интеллигенции постреволюционной эпохи. Индивидуализм и пессимизм определяли отношение к человеку и в целом взгляд на мир. Декадентские настроения затронули многих представителей модернистских течений. Общность мировосприятия с позиций эстетизма и мистицизма обеспечивала слияние декадентства с символизмом, вплоть до того, что эти явления рассматривались иногда как тождественные. Символическое искусство должно было преобразовать мир, найдя более совершенные жизненные формы. В русском эстетическом сознании утверждалось представление о приоритете творчества над познанием, что и предопределило, в конечном счете, пути художественного развития России в целом.

2. Материалы и методы

2.1. В процессе работы над статьей были использованы архивные источники РГАЛИ, государственных архивов Омской и Иркутской областей, Красноярского края, воспоминания и мемуары творческой интеллигенции рубежа веков, материалы периодических изданий.

2.2. В основу исследования проблемы были положены методы анализа, синтеза и обобщения. Материал, представленный в статье, рассмотрен через призму социальных, экономических и политических процессов, что отвечает принципу историзма. Сравнительно-исторический метод дал возможность проанализировать процессы, параллельно происходившие в России и Сибири, в статье они рассмотрены в их последовательном развитии, что соответствует проблемно-хронологическому методу.

3. Обсуждение

Российская творческая интеллигенция на рубеже веков генерировала и укрепляла веру в свою мессианскую роль в процессе переустройства страны. Выполнить поставленные перед собой задачи она надеялась посредством искусства. Поэтому интерес к характеру и результатам творческой деятельности художественной интеллигенции в межреволюционный период был высоким всегда. Особую ценность в исследовании данной проблемы представляют свидетельства современников той эпохи. Они включают в себя журнальные статьи, газетные публикации, мемуары, воспоминания, дневники. Через призму своих отношений с различными представителями творческой элиты дают оценку общественно-политическим и художественным процессам, происходившим в России, К. Чуковский (Чуковский, 1958), А. Белый (Белый, 1990), А. Бенуа (Бенуа, 1998), А. Блок (Блок, 1989), В. Брюсов (Брюсов, 1987), К. Станиславский (Станиславский, 1990).

А. Бенуа не только писал о своеобразии русского искусства, но и обосновывал позиции художника, с которых он подходил к восприятию действительности (Бенуа, 1998). Ценные сведения о жизни и деятельности представителей творческой интеллигенции, рассмотренные в контексте общественно-политических событий, происходивших в стране, освещены в монографиях Н. Абалкина (Абалкин, 1954), А. Соловцова (Соловцов, 1969), Д. Когана (Коган, 1970), В. Орлова (Орлов, 1980). Большой интерес для исследования проблемы представляет труд К. Мочульского (Мочульский, 1997), посвященный жизни и творчеству А. Блока, А. Белого, В. Брюсова. Книга, написанная в эмиграции, свободна от идеологических штампов.

Важные материалы для изучения культурной жизни сибирского региона дают монографии И. Давыденко (Давыденко, 1978), Г. Порхунова (Порхунов, 1993), П. Мешалкина (Мешалкин, 1998), О. Громовой (Громова, 1998), Н. Артамоновой (Артамонова, 2000), И. Девятьяровой (Девятьярова, 2000).

Зарубежные исследователи проявляли интерес к исследованию культуры и интеллигенции в России. Отражение символизма во всех видах искусства стало предметом рассмотрения коллективом французских авторов (Кассу и др., 1998). Несомненный интерес для анализа художественных течений представляет работа Дж. Кристиана (Кристиан, 2000). Современные иностранные ученые касаются в своих исследованиях судеб сибирского областничества (Pereira, 1993), языка и религии в Сибири (Graber, Murraru, 2015), интеллигенции России (Finkel, 2003).

Современные ученые внесли весомую лепту в изучение творчества русской интеллигенции в межреволюционный период. Они обогатили имевшиеся материалы о художественной жизни России. Однако неоднозначность и противоречивость эпохи Серебряного века в культурном плане постоянно требует переосмысления имеющихся фактов и методологических новаций в их исследовании.

4. Результаты

Результатом изменившегося в ходе потрясений начала XX в. миропонимания интеллигенции явился поиск новых тем для творчества, центральными из которых становятся темы России и ее народа. Для развития новых идей в результате художественного формотворчества появились новые модернистские течения, возникшие в послереволюционный период. «1907 год – ознаменован победой модернизма в мелкобуржуазных кругах; до 1907 года мы – отщепенцы; читатели наши – оторванцы разных классов, несколько десятков эстетов типа Мамонтова», – отмечал А. Белый

(Белый, 1990: 172). Изживал себя, заканчивая свою недолгую двадцатилетнюю историю, символизм. Попытки В. Иванова и Г. Чулкова организовать новую литературную школу, основанную на «мистическом анархизме», не нашли понимания у В. Брюсова и привели к расколу течения. Оппозиционно настроенные по отношению к символизму молодые поэты организовали «Цех поэтов». Лидерами течения стали Н. Гумилев и С. Городецкий. С 1912 г. новое течение стало называться акмеизмом. У акмеистов было свое представление о гармонии и красоте, которым они хотели поделиться с миром. Однако, переходя к миру материальному от мира идеального, они продолжали отстаивать позиции эстетизма. Основными принципами акмеизма являлись отказ от решения социальных проблем и от борьбы за изменение мира (Гумилев, 1992: 405–409). Акмеисты пытаются размежеваться с символизмом. Однако В. Брюсов утверждал, что «акмеизм – родное дитя символизма» и что «их новаторские теории не вязались с практикой, а практика ранних акмеистов была чисто символическая» (Брюсов, 1987: 272, 287).

Ниспровергая классиков и критикуя современных поэтов, футуризм высокомерно надеялся на мировое господство. Лидеры течения заявляли: «Только мы – лицо нашего времени» (Бурлюк и др., 1989: 193). Культурологический нигилизм футуристов выливался в отрицание заслуг прошлых поколений, неприятие современных достижений и даже здравого смысла. В. Брюсов отмечал, что футуристы «не только избегали в своих стихах мысли, но прямо любовались бессмысленностью их» (Брюсов, 1987: 262). Главным в творчестве футуристов была непохожесть на все сущее в культуре при доминировании процесса творчества над его результатом.

В. Маяковскому, который чуть позже влился в круг футуристов, стало тесно в узких рамках нового течения с его масштабом творческой и человеческой натуры. М. Горький вообще полагал, что футуризм в его стихах отсутствует. И. Репин после знакомства с его поэмой «Облако в штанах» не считал Маяковского футуристом и захотел писать его портрет (Михайлов, 1988: 131). В силу своей социальной и философской ограниченности футуризм не мог решить общественных задач или сформулировать новые морально-нравственные ориентиры социума. «О модернистах я боюсь, что у них нет стержня, а только – талантливые завитки вокруг пустоты», – писал в своем дневнике А. Блок (Блок, 1989: 140).

Однако не все представители новых течений отрицательно относились к уже зарекомендовавшей себя реалистической школе. Несомненное уважение и почтение к корифеям русской живописи испытывали «мирискусники». А. Бенуа в своих воспоминаниях писал «о том престиже, которым пользовался в нашей компании, и особенно у меня, наш неоспоримо великий художник». А. Бенуа имел в виду И. Репина (Бенуа, 1998: 49). Но понимание нового у представителей старой школы имело свои пределы. Когда на одном из балов появилась Анна Бенуа в белом шелковом платье и большой соломенной шляпе, оба художника, А. Бенуа и К. Сомов, восхищенные ею, решили «увечковечить» ее в этом наряде. К. Сомов первоначально решает «просто и реально передать видимость». Но в процессе работы под влиянием поэзии Гофмана за спиной Анны вырос старинный, погруженный в сумерки сад, а в глубине на темном фоне изображались фигуры в одеяниях XVIII в. По мнению Бенуа, «все это вместе создавало очень нежную поэтичность». Произведение имело успех. Однако И. Репин своим учеником был недоволен, его возмущала сама затея, «отступление от реализма». По воспоминаниям Бенуа непонимание Репиным новомодных течений привело к их резкому и возмущенному «отвержению» с его стороны (Бенуа, 1998: 85).

Сибирь искусство модернизма задело лишь по касательной. «Провинция мало интересовалась нами», – отмечал в своих мемуарах А. Белый (Белый, 1990: 172). Сибирские писатели, не проявляя творческой самостоятельности, часто подражали авторскому стилю своих российских коллег. В. Шишков, к примеру, заимствовал сказочный стиль изложения у Ремизова в своем произведении «Кедр» (Русские писатели, 1990: 413). Сибирские поэты Г. Вяткин и П. Драверт в начале творческого пути были под большим влиянием Бальмонта. Однако позже Г. Вяткин выступал против декаданса, заявляя, например, что творчество З. Гиппиус и К. Бальмонта – «бред извращенной души, извращенного разума» (Вяткин, 1905: 193). Недолгим было увлечение символизмом писателя А. Сорокина. Он быстро отошел от символизма, называя его в одной из статей «суррогатом для дураков» (ГАОО. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 35. Л. 13). Мотивы одиночества и отчаяния практически постоянно присутствовали в послереволюционный период в творчестве поэта И. Тачалова. Это мироощущение поэта являлось результатом влияния декаданса и тяжелых личных жизненных условий. Однако в целом творчество И. Тачалова можно оценить как реалистическое. Пожалуй, единственным адвокатом модернизма среди представителей сибирской литературы был томский писатель И. Иванов, который сам занимался новаторским стихотворчеством. Он защищал модернизм и в интеллигентских дискуссиях, и в газетных статьях.

В 1912 г. с критикой модернизма и футуризма выступала томская газета «Утро Сибири». В редакторской статье «Модернизм и сибирские поэты» В. Воложанин в 1912 г. заявил об уродливости новых течений в искусстве и констатировал, что модернизм не находит питательной среды в Сибири. Выступление В. Воложанина с докладом о футуризме в литературе, в котором критиковался модернизм, было активно поддержано собравшимися на одном из творческих собраний (Вибе и др. 1994: 26). Через четыре года В. Воложанин резюмировал: «Сибирской интеллигенции далеко до самодовлеющей красоты. Она занята новой переоценкой общественно-политических ценностей».

Устами своей прессы она единодушно отрицает и декадентство, и символизм, и футуризм» (*Сибирская жизнь*, 1916, 12 окт.).

Изменения в общественно-политической обстановке в послереволюционной России привели к возникновению противоречивых явлений в изобразительном искусстве. Художники «Бубнового валета» по творческому кредо были близки к поэтам-футуристам. Насмехаясь над устоявшимися вкусами, «Бубновый валет» эпатажировал общество. На скандальных выступлениях художников в Политехническом музее часто присутствовал В. Маяковский. Свою первую выставку они организовали в 1910 г. в сарае, развешивали картины без рам, разрушая, как им казалось, преграды между зрителями и искусством. Это вынесение искусства в народ, на улицу приветствовал М. Горький. И некоторую уродливость этих новаций можно простить, потому что «они молоды... молоды. Их породила сама жизнь», – писал М. Горький (*Горький*, 1915: 3). На выставке в Томске в 1911 г. реакция зрителей на картины «бубнововалетцев» была неоднозначной. О выставке много спорили, ее посещали, но более консервативное по сравнению с центром общественное мнение сибиряков не спешило безоговорочно признавать модернистское искусство. В столицах же новое художественное направление было признано публикой относительно быстро, и его эпатажные методы борьбы за место в творческом пространстве становились излишними. Объединение «Бубновый валет» было распущено в 1916 г. после прощальной выставки.

Нужно отметить, что никогда еще русское искусство не было столь декларативным и противоречивым, как в межреволюционный период. Художники как будто сами не вполне осознавали, что же им нужно. Эта неопределенность в своих позициях и исканиях нашла отражение в деятельности художников русского авангарда, идеи которого воплотились в произведениях авторов художественных объединений «Голубая роза» и «Ослиный хвост». Двойственность позиции членов этих объединений состояла в том, что художники, демонстрируя творческий эгоизм и пренебрежение к публике, желали постоянно выставляться и разъяснять смысл своих картин посетителям, т.е. выказывали свою зависимость от публики, мнение которой им было небезразлично.

Художественную жизнь Сибири модернистские поиски затронули незначительным образом. Сибиряки традиционно придерживались реалистических взглядов на жизнь. «Главной проблемой для них оставался поиск средств новой художественной выразительности, выработка оригинальной традиции, основанной на своем самобытном восприятии мира» (*Gryaznukhina et al.*, 2017). Но все же влияние модернизма не могло не коснуться творческой интеллигенции Сибири. Увлечение писателя и талантливого художника А. Сорокина символизмом ограничивалось в основном использованием аллегорий. Одна из его символистических картин называется «Там, где были мысли». На ней изображены цветы, вырастающие из человеческого черепа (*ГАОО. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 227. Л. 94*). В. Этгель при оформлении сборника писателей Омска «Жертвам войны» и иркутского журнала «Багульник» взял за образец рисунки журнала «Золотое руно», стоявшего на позициях символизма. Символистический характер носили работы скульптора-самоучки из Иркутска И. Жукова. Сюжеты его работ имели явные параллели с произведениями Ф. Сологуба. Героями его скульптур были сказочные существа из иных миров, которые являлись воплощением темных качеств души человека. Философско-художественное осмысление темы смерти предпринял Жуков в скульптуре «У обрыва жизни», в которой люди представлены в ожидании конца земного пути. Но страшна не только смерть, но и жизнь. Этот тезис он утверждает скульптурной композицией «У жизни в лапах», в которой девушка пытается вырваться из объятий жизни, аллегорически представленной в виде страшного монстра. Однако путь у нее один – к смерти (*ГАИО. Ф. 2120. Оп. 1. Д. 342. Л. 18*). Позитивные сюжеты в его творчестве связаны лишь с детьми, чистыми и безгрешными существами (*ГАИО. Ф. 2120. Оп. 1. Д. 342. Л. 20*).

Глубокое осмысление жизненных коллизий было характерно для талантливого самоучки из Красноярска А. Попова. Свое творчество он совершенствовал, используя советы В. Сурикова во время приездов признанного мастера на родину. Большую роль в своем творчестве А. Попов отводил портрету, в котором рельефнее можно было отображать внутренний мир человека, особенности его характера. Он создал скульптуры Л. Толстого, Н. Пирогова, апостола Петра, мраморную голову Христа (*ГАКК. Ф. 2120. Оп. 1. Д. 356*). Любопытна его глиняная скульптура «Ищу человека». Художник изобразил греческого философа Диогена с фонарем в руке. Среди людского моря он ищет человека чистосердечного, искреннего, духовно прекрасного. Красноярский художник Д. Каратанов, напротив, стоял на позициях реализма. Писал он в основном пейзажи и портреты сибирских аборигенов, с которыми встречался во время своих многочисленных путешествий.

Новый тип художественного осмысления действительности нашел свое воплощение и в неопримитивизме. Это направление, начавшее свое развитие в межреволюционный период, было основано на фольклорном искусстве. Наиболее яркое отражение неопримитивизм нашел в творчестве М. Ларионова и Н. Гончаровой. А. Лентулов пытался соединить кубизм с фольклором и лубком. Центральной темой его творчества становится русская архитектура прошлых веков.

В стиле лубка на выставке в Иркутске в 1915 г. представили свои работы сибирские футуристы. Но, по свидетельству историка И. Серебренникова, на выставке было мало посетителей, которые с наибольшим интересом посещали другие экспозиции, в которых были выставлены трофеи с полей Первой мировой войны. Видимо, художественный уровень представленных футуристами работ не

попал в резонанс с интересами общества, поэтому реакция на новомодные произведения была достаточно вялой.

Внутренние метания художественной интеллигенции межреволюционного периода экстраполировались и на характер их творчества, и на оценку новых креативных подходов в создании произведений. В 1906 г. В. Мейерхольд поставил в гротесково-мистическом стиле с элементами классической драмы и площадного искусства «Балаганчик» Александра Блока. Мнения публики и коллег по цеху разделились. Режиссер Ф. Комиссаржевский заявлял: «...Натуралистический театр я отрицаю, так как ... театр создан перестраивать жизнь, вести за собой к прекрасному». А. Загаров, режиссер театра Корша, отвергая новации Мейерхольда, полагал, что театр должен показывать «не отражение жизни, а саму жизнь на сцене» (ЦГАЛИ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 3457. Л. 35). Блока удручала модернистская манера постановок новатора театра, он называл ее «мейерхольдией», больше симпатий у него вызывал МХТ и «здоровый реализм» Станиславского. Однако поставленные основателем Художественного театра пьесы А. Блока успеха не имели (ЦГАЛИ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 1. Л. 1).

В театрах Сибири модернизм часто воспринимался как наносная пена столичных творческих баталлий. Газета «Омский вестник» в 1909 г. отмечала: «Провинция далеко стояла от исканий «нового театра» с его теориями модернизма, стилизации, упрощения, «смерти быта», «оголения идеи в символе» и т.д. Она стояла вне битвы «за» и «против» режиссерской диктатуры» (Омский вестник, 1909, 31 мая). Сибирское искусство отражало мировоззрение и мироощущение местной интеллигенции. «В Сибири фактически отсутствовало дворянское сословие, а сословный состав сибирской интеллигенции был представлен в основном разночинцами и купечеством» (Karchaeva et al., 2017). Конкретно-предметное восприятие жизни обуславливало сохранение за реализмом главенствующего положения в искусстве Сибири. Театральные постановки коллективов П. Медведева, С. Брагина, М. Каширина, А. Аярова, З. Ковалевой игрались по несколько сезонов с неизменно успехом благодаря именно тому, что воспринимались на реалистических позициях.

Самоустранение от общественной жизни стало реакцией на итоги революционных событий 1905 г. со стороны российской интеллигенции. Многие из ее представителей занялись религиозной философией, мистицизмом. В оккультизм и теософию окунулся А. Белый. С. Рахманинов в 1906–1907 гг. написал романс о мире, залитом слезами и кровью, на слова Д. Мережковского. Тяготеющий к греческой архаике Л. Бакст в 1908 г. создал картину «Древний ужас», особо популярную у символистов. Ощущение вселенской катастрофы передают грозное небо и бушующее море, освещенные молниями. Загадочная улыбка коры, представленной на фоне разыгравшейся стихии, не предвещает ничего хорошего. Не случайно, что именно образ метущейся над грозным морем чайки становится символом настроения интеллигенции того времени. Под впечатлением этого образа красноярский художник Д. Каратанов в 1910 г., оформляя художественно-этнографический вечер, тоже использовал этот интеллигентский символ (ГАКК. Ф. 2120. Оп. 1. Д. 356. Л. 100).

Сибирская театральная интеллигенция отреагировала на послереволюционный кризис драмами Л. Андреева, Ф. Сологуба, носившими мистический характер. Однако глубинные реалистические корни театров Сибири дали соответствующую сценическую поросль. В сезоны 1908–1912 гг. почти на всех сценах ставился классический репертуар. Осваивают сибиряки в это время и новый для себя оперный жанр. П. Иванов в Красноярске создал веселую оперу для детей «Царевна-земляничка», имевшую успех у зрителей. Понимание нужд и запросов народа, деятельное начало сибирской интеллигенции позволили ей быстрее, чем в столицах, преодолеть упаднические настроения, состояние безнадежности и пессимизма.

5. Заключение

В межреволюционный период у российской творческой интеллигенции обострилось ощущение своего мессианского предназначения по формированию и укреплению нравственных основ российского общества. Причем революцию интеллигенция рассматривала как инструмент очищения и избавления от отживших свой век социокультурных элементов. Интеллигенция с оптимизмом и надеждой смотрела в послереволюционное будущее, которое будет освобождено свежим потоком революции от язв и пороков прошлого и настоящего. Однако мечтам не суждено было сбыться.

Первая русская революция восхитила и испугала российскую интеллигенцию своими тектоническими социальными подвижками и стихийной народной мощью, вырвавшейся из-под имперского гнета. Революция привела к трансформации позиции творческой интеллигенции относительно роли народа в судьбе России, что вызвало значительное увеличение количества произведений гражданской и патриотической тематики.

На творчество сибирской интеллигенции в межреволюционный период накладывали свой отпечаток имевшиеся особенности социально-экономических и этно-культурных процессов региона. В отличие от центрально-русской интеллигенции, сконцентрировавшейся на глубинном осмыслении происходивших социальных трансформаций, деятельность сибирской интеллигенции локализовалась на прагматических задачах по сохранению и увеличению материальной базы развития местной культуры. В приоритете было становление и расширение художественного образования, организация творческих учебных заведений, создание оркестров и оснащение их

музыкальными инструментами.

Новые течения в искусстве, накрывшие своей волной творческую интеллигенцию центральной России, доносили до Сибири лишь скудные ручейки, довольно быстро иссякавшие. Непокосимости реализма в творчестве сибирской интеллигенции помогала специфика сибирского менталитета, отличавшегося прагматической направленностью и трезвым оцениванием людей и ситуаций. Реалистический метод изложения художественного материала в понимании сибиряков был более доступен для восприятия, чем символистические, акмеистические и футуристические изыски.

Творческая интеллигенция в межреволюционный период, воодушевившись преобразовательными идеями революции, предложила обществу эстетическую программу его переустройства. Однако в отрыве от решения всего комплекса проблем, стоявших перед страной, задача оказалась неразрешимой априори.

Литература

- Абалкин, 1954 – Абалкин Н. Система Станиславского и советский театр. М.: Иск-во, 1954. 393 с.
- Артамонова, 2000 – Артамонова Н.Я. Интеллигенция Восточной Сибири: опыт формирования и деятельности (конец XIX – середина XX вв.). М.: Прометей, 2000. 237 с.
- Белый, 1990 – Белый А. Между двух революций. М., 1990. 670 с.
- Бенуа, 1998 – Бенуа А.Н. История русской живописи в XIX веке. М., 1998. 448 с.
- Блок, 1989 – Блок А.А. Дневник. М., 1989. 512 с.
- Брюсов, 1987 – Брюсов В.Я. Смысл современной поэзии. В Политехническом «Вечер новой поэзии». Статьи. Манифесты. Воспоминания. М., 1987. С. 254–269.
- Вибе и др., 1994 – Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь. М., 1994. 320 с.
- Вяткин, 1905 – Вяткин Г. Библиография // *Сибирский наблюдатель*. 1905. № 1–2. С. 188–193.
- ГАИО – Государственный архив Иркутской области.
- ГАКК – Государственный архив Красноярского края.
- ГАОО – Государственный архив Омской области.
- Гордович, 1997 – Гордович К.Д. История отечественной литературы XX века. СПб., 1997. 320 с.
- Горький, 1915 – Горький М. О русском футуризме // *Журнал журналов*. 1915. № 1. С. 3–4.
- Громова, 1998 – Громова О.В. Из истории театральной жизни г. Красноярска (1874–1917). Красноярск. 1998. 13 с.
- Гумилев, 1992 – Гумилев Н.С. Наследие символизма и акмеизм. Стихи. Проза. Иркутск. 1992. С. 405–409.
- Девятьярова, 2000 – Девятьярова И.Г. Художественная жизнь Омска XIX – первой половины XX века. Омск. 2000. 144 с.
- Кассу и др., 1998 – Кассу Ж., Брюнель П., Клодон Ф. и др. Энциклопедия символизма. Живопись, графика и скульптура. Литература. Музыка. М., 1998. 429 с.
- Ковалевская, 1983 – Ковалевская Т.М. Русский реализм и проблема идеала. М., 1983. 304 с.
- Коган, 1970 – Коган Д.З. Мамонтовский кружок. М., 1970. 220 с.
- Кристиан, 2000 – Кристиан Д. Символисты и декаденты. М., 2000. 91 с.
- Мешалкин, 1998 – Мешалкин П.Н. Одержимые. О деятелях культуры Красноярска на рубеже XIX–XX вв. Красноярск. 1998. 160 с.
- Михайлов, 1988 – Михайлов А. Маяковский. М., 1988. 560 с.
- Мочульский, 1997 – Мочульский К.В. А. Блок, А. Белый, В. Брюсов. М., 1997. 479 с.
- Орлов, 1980 – Орлов В. Гамаюн. Жизнь Александра Блока. Л., 1980. 725 с.
- ОРЛС, 1982 – Очерки русской литературы Сибири 1982 – Очерки русской литературы Сибири. Т. 1. Новосибирск. 1982. 606 с.
- Порхунов, 1993 – Порхунов Г.А. Городские демократические слои населения Сибири в общественно-политическом движении (1905–1914 гг.). Омск. 1993. 194 с.
- Рудницкий, 1981 – Рудницкий К. Мейерхольд. М., 1981. 423 с.
- Русские писатели, 1990 – Русские писатели: Библиографический словарь. Ч. 2. М.: Просвещение, 1990. 874 с.
- Соловцов, 1969 – Соловцов А. С.В. Рахманинов. М., 1969. 175 с.
- Станиславский, 1980 – Станиславский К.С. Моя жизнь в искусстве. М., 1989. 430 с.
- ЦГАЛИ – Центральный Государственный архив литературы и искусства.
- Чуковский, 1958 – Чуковский К.И. Из воспоминаний. М., 1958. 363 с.
- Шаляпин, 1991 – Шаляпин Ф.И. Маска и душа. М., 1991. 319 с.
- Яневская, 1983 – Яневская С.В. Омский драматический. Омск. 1983. 192 с.
- Finkel, 2003 – Finkel S. Purging the Public Intellectual: The 1922 Expulsions from Soviet Russia // *Russian Review*, 2003, Vol. 62, Is. 4, pp. 589–613.
- Graber, Murray, 2015 – Graber K.E., Murray J.D. The Local History of an Imperial Category: Language and Religion in Russia's Eastern Borderlands, 1860s–1930s // *Slavic Review*, 2015, Vol. 74 (1), pp. 127–152.
- Gryaznukhina et al., 2017 – Gryaznukhina T.V., Sejtkanova A.A., Gryaznukhin A.G. et al.

Intelligentsia and the Folk between Russian Revolutions (1905–1917). *Bylye Gody*, 2017, Vol. 44, Is. 2. pp. 625 – 634.

Karchaeva et al., 2017 – *Karchaeva T.G., Gergilev D.N., Severyanov M.D.* Who were the Clerks in Siberia? Professional Characteristics of Russian Empire Local Governmental Officials from the 19th to the early 20ies century. // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 43. Is.1. pp. 86–93.

Pereira, 1993 – *Pereira N.G.O.* The idea of Siberian Regionalism in Late Imperial and Revolutionary Russia // *Russian History*, 1993, Vol. 20. Is. 4. pp. 163–178.

References

Abalkin, 1954 – *Abalkin N.* (1954). Sistema Stanislavskogo i sovetskii teatr [The Stanislavsky system and the Soviet theater]. Moscow, 1954. 393 p. [in Russian]

Artamonova, 2000 – *Artamonova N.Y.* (2000). Intelligentsiya Vostochnoi Sibiri: opyt formirovaniya i deyatelnosti (konets XIX – seredina XX vv.) [Intelligentsia of Eastern Siberia: experience of formation and activity (end of XIX – XX centuries the middle)]. Moscow, 237 p. [in Russian].

Belyi, 1990 – *Belyi A.* (1990). Mezhdv dvukh revolyutsii [Between the two revolutions]. Moscow, 670 p. [in Russian]

Benua, 1998 – *Benua A.N.* (1998). Istoriya russkoi zhivopisi v XIX veke [The history of Russian painting in the XIX century]. Moscow, 448 p. [in Russian]

Blok, 1989 – *Blok A.A.* (1989). Dnevnik [Diary]. Moscow, 512 p. [in Russian]

Bryusov, 1987 – *Bryusov V.Y.* (1987). Smysl sovremennoi poezii. V Politekhicheskom «Vecher novo poezii». Stat'i. Manifesty. Vospominaniya [The Meaning of modern poetry // At the Polytechnic "an Evening of new poetry". Articles. Manifestos. Memory lane]. Moscow. pp. 254–269. [in Russian]

Vibe i dr., 1994 – *Vibe P.P., Mikheev A.P., Pugacheva N.M.* (1994). Omskii istoriko-kraevedcheskii slovar' [Omsk state history dictionary]. Moscow. 320 p. [in Russian]

Vyatkin, 1905 – *Vyatkin G.* (1905). Bibliografiya [Bibliography]. *Sibirskii nablyudatel'*, № 1–2. pp. 188–193. [in Russian]

GAIO – Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti [State archive of Irkutsk region].

GAKK – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraya [State archive of the Krasnoyarsk territory].

GAOO – Gosudarstvennyi arkhiv Omskoi oblasti [State archive of the Omsk region].

Gordovich, 1997 – *Gordovich K.D.* (1997). Istoriya otechestvennoi literatury XX veka [History of Russian literature of XX century]. Saint-Petersburg. 320 p. [in Russian]

Gor'kii, 1915 – *Gor'kii M.* (1915). O russkom futurizme [On russian futurism]. *Zhurnal zhurnalov*, № 1. pp. 3–4. [in Russian]

Gromova, 1998 – *Gromova O.V.* (1998). Iz istorii teatral'no zhizni g. Krasnoyarska (1874 – 1917) [From the history of the theatrical life of the city of Krasnoyarsk (1874 – 1917)]. Krasnoyarsk, 13 p. [in Russian].

Gumilev, 1992 – *Gumilev N.S.* (1992). Nasledie simvolizma i akmeizm // Stikhi. Proza [The heritage of symbolism and Acmeism. Poetry. Prose]. Irkutsk. pp. 405–409. [in Russian]

Devyat'yarova, 2000 – *Devyat'yarova I.G.* (2000). Khudozhestvennaya zhizn' Omska XIX – pervoi poloviny XX veka [Artistic life of Omsk of the XIX – first half of XX century]. Omsk. 144 p. [in Russian]

Kassu i dr., 1998 – *Kassu Zh., Bryunel' P., Klodon F. i dr.* (1998). Entsiklopediya simvolizma. Zhivopis', grafika i skulptura. Literatura. Muzyka [Encyclopedia of symbolism. Painting, graphics and sculpture. Literature. Music.]. Moscow. 429 p. [in Russian]

Kovalevskaya, 1983 – *Kovalevskaya T.M.* (1983). Russkii realizm i problema ideala [Russian realism and the problem of the ideal]. Moscow. 304 p. [in Russian]

Kogan, 1970 – *Kogan D.Z.* (1970). Mamontovskii kruzhok [Mamontov circle]. Moscow. 220 p. [in Russian]

Kristian, 2000 – *Kristian D.* (2000). Simvolisty i dekadenty [The Symbolists and decadents]. Moscow. 91 p. [in Russian]

Meshalkin, 1998 – *Meshalkin P.N.* (1998). Oderzhimye. O deyatel'nykh kul'tury Krasnoyarska na rubezhe XIX – XX vv [Obsessed. About the figures of culture of Krasnoyarsk at the turn of XIX – XX centuries]. Krasnoyarsk. 160 p. [in Russian]

Mikhailov, 1988 – *Mikhailov A.* (1988). Mayakovskii [Mayakovsky]. Moscow. 560 p. [in Russian]

Mochul'skii, 1997 – *Mochul'skii K.V.* (1997). A. Blok, A. Belyi, V. Bryusov. M. 479 p. [in Russian]

Muratov, 1974 – *Muratov P.* (1974). Izobrazitel'noe iskusstvo Tomsk [Fine arts of Tomsk]. Novosibirsk. 80 p. [in Russian]

Orlov, 1980 – *Orlov V.* (1980). Gamayun. Zhizn' Aleksandra Bloka [The Life Of Alexander Blok]. Leningrad. 725 p. [in Russian]

ORLS, 1982 – Ocherki russkoi literatury Sibiri 1982 – Ocherki russkoi literatury Sibiri [Essays on Russian literature of Siberia]. T. 1. Novosibirsk, 1982. 606 p. [in Russian]

Porkhunov, 1993 – *Porkhunov G.A.* (1993). Gorodskie demokraticheskie sloi naseleniya Sibiri v obshchestvenno-politicheskom dvizhenii (1905 – 1914 gg.) [Urban democratic strata of the population of Siberia in the socio-political movement (1905 – 1914)]. Omsk. 194 p. [in Russian]

Rudnitskii, 1981 – *Rudnitskii K.* (1981). Meierkhol'd [Meyerhold]. Moscow, 423 p. [in Russian]

- [Russkie pisateli, 1990](#) – Russkie pisateli: bibliograficheskii slovar' [Russian writers: bibliography dictionary]. Ch. 2. Moscow, 1990. 874 p. [in Russian]
- [Solovtsov, 1969](#) – *Solovtsov A.* (1969). S.V. Rakhmaninov [Rachmaninov]. Moscow. 175 p. [in Russian]
- [Stanislavskii, 1980](#) – *Stanislavskii K.S.* (1980). Moya zhizn' v iskusstve [My life in art]. Moscow. 430 p. [in Russian]
- [TsGALI](#) – Tsentral'nyi Gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva [Central state archive of literature and art].
- [Chukovskii, 1958](#) – *Chukovskii K.I.* (1958). Iz vospominanii [From the memories]. Moscow. 363 p. [in Russian]
- [Shalyapin, 1991](#) – *Shalyapin F.I.* (1991). Maska i dusha [The Mask and the soul]. Moscow. 319 p. [in Russian]
- [Yanevskaya, 1983](#) – *Yanevskaya S.V.* (1983). Omskii dramaticheskii [Omsk drama]. Omsk. 192 p. [in Russian]
- [Finkel, 2003](#) – *Finkel S.* (2003). Purgng the Public Intellectual: The 1922 Expulsions from Soviet Russia. *Russian Review*, Vol. 62. Is. 4. pp. 589-613.
- [Graber, Murray, 2015](#) – *Graber K.E., Murray J.D.* (2015). The Local History of an Imperial Category: Language and Religion in Russia's Eastern Borderlands, 1860s–1930s. *Slavic Review*, Vol. 74 (1), pp. 127–152.
- [Gryaznukhina et al., 2017](#) – *Gryaznukhina T.V., Sejtkanova A.A., Gryaznukhin A.G. et al.* (2017). Intelligentsia and the Folk between Russian Revolutions (1905–1917). *Bylye Gody*, Vol. 44, Is. 2. pp. 625–634.
- [Karchaeva et al., 2017](#) – *Karchaeva T.G., Gergilev D.N., Severyanov M.D.* (2017). Who were the Clerks in Siberia? Professional Characteristics of Russian Empire Local Governmental Officials from the 19th to the early 20ies century. *Bylye Gody*. Vol. 43. Is. 1. pp. 86-93.
- [Pereira, 1993](#) – *Pereira N.G.O.* (1993). The idea of Siberian Regionalism in Late Imperial and Revolutionary Russia. *Russian History*, Vol. 20. Is. 4. pp. 163-178.

Поиск новых форм творчества российской интеллигенцией в межреволюционный период (1905–1917 гг.)

Татьяна Владимировна Грязнухина ^a, Александр Григорьевич Грязнухин ^{a, *},
Денис Николаевич Гергилев ^a, Лариса Федоровна Малютина ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. В данной работе освещена деятельность художественной интеллигенции России и Сибири в межреволюционную эпоху (1905–1917 гг.). Отмечено влияние социально-экономических и политических аспектов на характер творчества интеллигенции. Незнание реалий, оторванность ее от жизни привели к тому, что художественная элита России жила в созданном ею мире. Непонимание народа привело к его идеализации, вере в то, что, пройдя через очищающее горнило революции, он выйдет духовно обновленным, способным к восприятию прекрасного. Поражение революции и осознание того, что даже в случае ее победы духовное перерождение общества едва ли наступило бы вдруг и сразу, повергло интеллигенцию в состояние уныния, апатии и пессимизма. Это состояние нашло свое выражение в декадансе как особой форме умонастроения. Анализ причин произошедших изменений показывает, что в основе их лежит непонимание сути событий, неумение их объяснить и адаптироваться к ним. Общественно-политические и социально-экономические события в центральной России затронули и творчество художественной интеллигенции Сибири. Здесь, однако, поиск новых форм и средств художественной выразительности не носил столь глубокого характера. Увлечение модернизмом зачастую было временным или случайным. И художники, и зрители предпочитали следовать реалистическим традициям в искусстве. Трезвый, реалистический взгляд на жизнь способствовал тому, что сибирская интеллигенция сравнительно быстро преодолела настроения упадка и пессимизма в своем творчестве. В статье рассмотрены примеры влияния декаданса на творчество наиболее известных мастеров художественного цеха.

Ключевые слова: интеллигенция, творчество, революция, декаданс, символизм, акмеизм, футуризм, культура, Сибирь.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: agagag@mail.ru (А.Г. Грязнухин), tag-kras@mail.ru (Т.В. Грязнухина), turilak@yandex (Д.Н. Гергилев), malyutina_48@mail.ru (Л.Ф. Малютина)